

28. Кауфман С. А. А. J. Festugiere. Antioche paienne et chretienne. Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. (Обзор глав археологического содержания) // ВВ. – 1961. – Т. 20. – С.267-278.
29. Beck H. G. Kirche und theologische literatur im Byzantinische Reich. – Munchen, 1977. – 835 s.
30. Пюш Э. Иоанн Златоуст и нравы его времени: Пер с фр. – СПб., 1897. – 352 с.
31. Чернявский Н. Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. – Сергиев Посад, 1913. – VIII, 692 с.
32. Агапит, арх. Жизнь Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1874. – III, 433 с.
33. Harkins P. W. Chrysostom, saint John // Encyclopaedie Britannica: In 23 vol. Chicago, 1962. – Vol. 5. – P.666.
34. Ювенал. Сатиры. – СПб., 1994. – С.131-136, V. 70-240.
35. Рождественский Д. В. свящ. Сатирический элемент в беседах святого Иоанна Златоуста. Публичная лекция. – Сергиев Посад, 1908. – 32 с.
36. Пападулопо Х. Творения святого Иоанна Златоуста с филологической стороны // ХЧ. – 1895. – Ч. 1. – С.411-421.
37. Никольский С., свящ. История Церквей Антиохийской и Константинопольской за время св. Иоанна Златоуста по его творениям. – Ставрополь - Кавказский, 1906. – VII, 184 с.
38. Frank T. An economic survey of ancient Rome. – Baltimore, 1938. – Vol. IV. – 950 p.
39. Sozomen. Historia Ecclesiastica // Die grichischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. – Leipzig; Berlin, 1960.
40. Созомен Эрмий. Церковная История: Пер. с греч. – СПб., 1851. – XXIV, 636 с.

Список сокращений

ВВ – Византийский временник
 ПС – Православный собеседник
 ХЧ – Христианское чтение

In the article analysis of the role and significance of the church sermon for public life of the early-Byzantine polis is given. A special attention is paid to the preaching activity of John Chrysostom.

Key words: Antiochy, Chrysostom, Church, sermon.

УДК 291

Павел Михалицын

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ ТРАГЕДИИ «ΧΡΙΣΤΟΣ ΠΑΣΧΩΝ» («СТРАЖДУЩИЙ ХРИСТОС»)

В статье выявляются и анализируются основные цели создания христианской трагедии «Χριστός πάσχων» («Страждущий Христос») – богословско-апологетического произведения конца IV в., периода культурно-идеологической борьбы язычества и христианства в Византийской империи.

Ключевые слова: Византия, свт. Григорий Богослов, цензон, апологетика, трагедия «Страждущий Христос».

После завершения эпохи гонения на христианство и окончательного изменение курса корабля римской государственности, противостояние уже умирающей, но все еще реально существующей языческой партии и христианства перешло из чисто политической сферы в сферу культурно-идеологическую. Теперь язычество, лишенное политической поддержки, пыталось доказать всю серьезность своих мировоззренческих установок и противопоставить христианству всю мощь своего научно-культурного потенциала. Вот в таких непростых условиях «тесной конкуренции» и возникает совершенно особый жанр уже христианской литературы – евангельская парафраза.

Как отмечает С.С.Аверинцев, по буквальному значению термин «парафраза» означает «пересказывание», то есть иносказательное высказывание того же по-иному, «переложение», как бы перекладывание смысла из одних слов – в другие [1; 225]. По словам С.С. Аверинцева,

* Об культурно-идеологическом противостоянии язычества и христианства смотри статью В.И. Уколовой [14; 78-97].

«среди обширной литературы «парафраз» и «метафраз» в эпоху перехода от античности к средневековью особую роль играли эксперименты, основанные на применении к библейскому материалу античных форм – пересказывание Ветхого и Нового Заветов языком и размером Гомера на Востоке, языком и размером Вергилия на Западе. Форма выбиралась, таким образом, не по соответствию теме, а по противоположности к ней, «наперерез» ей; из-за этого как тема, так и форма выступали в несобственном, самоотчужденном, превращенном и «превратном» виде. Пределом такого подхода были так называемые центоны на библейские темы – мозаики из стихов или полустихий языческих поэтов, принужденных описывать как раз то, чего не могли бы описать языческие поэты...» [1; 225]. М.Л.Гаспаров и Е.Г.Рузина в своей статье отмечают, что «слово «центон» буквально значит «лоскутная ткань», «сшитое из разных кусков одеяло», «покрывало», «плащ», «матрас» и т.п. В литературе оно приобрело значение: «стихотворение, составленное из стихов или частей стихов уже существующих произведений одного или разных авторов. В традиционной теории литературы центон рассматривается исключительно как поэтическая забава или курьез» [4; 197]. В новоевропейской литературе центоны практически не встречаются, а редкие их представители носят шуточный характер. Это объясняется отсутствием в этих произведениях примеров проявления индивидуальных чувств поэта и особым упором их авторов на передачу чужих слов и выражений, что совершенно неприемлемо в поэзии нового времени [4; 197]. В ранневизантийское время техника центонов была наиболее распространена. Из греко-язычных примеров этого периода известен маленький центон о спуске Геракла в подземное царство, написанный св. Иринеем Лионским и, разбираемый нами, «Χριστός πάσχων» («Страждущий Христос») [4; 198].

Следует отметить, что и парафраза в целом, и центоны в частности, призваны, уже по литературным особенностям своего построения, «вести читателя в сферу определенных настроений, ассоциаций и литературных аллюзий» [6; 301].

Попытаемся на примере трагедии «Страждущий Христос», приписываемой свт. Григорию Богослову, рассмотреть, как в ней литературный материал языческой драматургии послужил конкретным христианским целям. Исследователям удалось установить, что автор трагедии заимствовал его из семи трагедий Еврипида («Гекубы», «Медии», «Ореста», «Ипполита», «Троянок», «Реса» и «Вакханок»), из двух трагедий Эсхила – «Агамемнона», «Прометея» и из «Александры» Ликофрона [17; 221].** Таким образом, драматургия Еврипида явилась основной для построения драмы. Именно Еврипид в своем драматургическом творчестве поставил серьезную философско-психологическую проблему: как свобода человеческой личности уживается с божественными предначертаниями.

Но, выдвинув эту проблему, великий трагик так и не смог ее разрешить. Он сам столкнулся с коллизией веры в судьбу и свободой человеческой личности. Поэтому Еврипид путем различных сценических нововведений пытался как-то сгладить остроту этой проблемы. Так, он ввел пролог непосредственно перед началом действия, в котором какому-нибудь божеству или заслуживающему доверия персонажу «приходилось зачастую, как бы гарантировать публике ход трагедии и рассеивать все сомнения в реальности мифа» [9; 105]. То же, по сути, происходило и в конце драмы, когда Еврипид, «чтобы поставить для публики судьбу своих героев вне возможных сомнений», [9; 105] пользуется сценическим приемом «*deus ex machina*» (бог из машины) или использует в качестве эпилога появление какого-нибудь бога, который и разрешает поставленные проблемы [13; 153]. Особый психологизм действия и коренное переосмысление мифа в творчестве Еврипида явились категориями уже другой эпохи, и, может быть, поэтому непонятое современниками наследие великого трагика только в последующую эллинистическую эпоху стало особо почитаемо у греков [13; 138]. И именно драматургическое новаторство Еврипида, достигнув своего предела в сценическом элементе, ведет к созданию образов типа драмы для чтения [2; 203] и дает толчок к уничтожению идеи судьбы «и установлению идеи богопознания, не имеющей ничего общего с мифологическим» [18; 30]. Вот эти тенденции, заложенные в драматургии Еврипида, очень

* Дополняя это высказывание, выделим еще и историческую причину угасания жанра центонной поэзии в последующие времена. После VI в. язычество окончательно уходит с культурно-политической арены Византии, давая возможность для бурного развития уже собственно христианской литературы, без преобладания полемической направленности. Но в IV-V вв., т.е. в период особого расцвета жанра центонов, культурно-политическая ситуация была совсем иной. Именно острая полемика между христианством и язычеством – одна из главных причин возникновения центонной поэзии.

** Андре Тюилье в «*Index Locorum Auctorum Antiquorum*» указывает помимо приведенных трагедий Еврипида еще на реминисценции из «Альцесты», «Андромахи», «Елены», «Ифигении в Тавриде», «Ифигении в Авлиде», «Просительниц», а также из «Илиады» Гомера [см.: 19; 343-355].

хорошо почувствовал автор «Страждущего Христа», поэтому именно трагедии Еврипида стали литературным базисом его произведения – в этом и состоит основная причина приоритета данных трагедий перед произведениями Эсхила и Софокла.

Но что же дала техника постоянного цитирования классических образов свт. Григорию Богослову? Действительно ли смешение лексики языческой драмы с лексикой библейского повествования могло гарантировать лишь комический эффект, попади такое произведение в руки образованного читателя [17; 221]? Думается, что подобные предположения могут иметь место лишь тогда, когда поэтическое наследие свт. Григория рассматривается без должного учета тех богословских задач, которые и обусловили его появление. Влагая в уста Богородицы речи еврипидовской Медеи и Гекубы, ликофроновской Кассандры и других персонажей, автор хотел показать как «разрешается «противоречие» между традиционностью формы и новизной содержания» [7; 219], как фатальность маски античного театра преодолевается христианским богословием. Здесь происходит таинственная метаморфоза, приводящая к христианизации Еврипида и всего наследия древней Эллады. Читателю представляется возможность увидеть, что бы сделали Медея и Гекуба, будь они христианками. В «Страждущем Христе» как и в «Деяниях Иисуса» (парафраза Евангелия от Иоанна, принадлежащая перу известного поэта V в. Нонну Панополитанскому) со всей очевидностью показано, как «эллинская «форма» становится мистически бесплотной, а евангельское «содержание» мистически материальным» [1; 226]. В этой трагедии, как и в эпиграммах свт. Григория, «нормы классической литературы усиливаются, трансформируются, обретают «второй смысл» в свете новых богословских установок» [7; 219]. «Страждущий Христос» показывает, как неразрешимые противоречия Еврипида могут с легкостью найти свое разрешение, когда они попадают на христианскую почву [19; 70-71, 73]. И Богоматеринство Святой Девы Марии, и сама Личность Богочеловека Христа, вносят принципиально новое в понимание человеческой личности, смысл ее существования и место в промыслительных действиях Творца. Бог сам становится действующим персонажем драмы. Он страдает по человечеству, но и воскресает по Божеству, упраздняя языческий конфликт разобщенности между Богом и человеком.

Таким образом, в трагедии «Страждущий Христос» свт. Григорий Богослов сумел наглядно показать, какую роль играет наследие античности в новом христианском мироощущении и насколько серьезно это новое мировоззрение, которое так легко разрешает самые трудные и противоречивые вопросы всей языческой философии. В этом и состояла одна из стратегических целей написания произведения.

Следующая, не менее важная цель написания трагедии – апологетическая. Богословский анализ содержания драмы показывает, насколько она насыщена догматическим содержанием, чем она и привлекла к себе пристальное внимание богословов, высоко ценивших попытку преподнесения догматов в драматизированной форме [16; 41]. Уже Пролог драмы формулирует богословские идеи, направленные против ереси Аполлинария Лаодикийского [19; 65], не говоря обо всем драматическом материале, насыщенном мыслями о Божестве Спасителя и Его равенстве Отцу, что, в свою очередь, весьма прозрачно намекает на антиарианскую направленность произведения.^{*} Вышеперечисленные цели создания трагедии согласуются и со словами святителя в стихотворении «О стихах своих», где он в качестве одной из причин, побуждающих его к поэтической деятельности, приводит недопустимость преимущества в слове чужих, понимая под последними и язычников и еретиков [12; 409; ср.: 10; 191].

И есть, наконец, еще одна причина, существованию которой обязана своим появлением на свет эта трагедия. Речь идет о знаменитом эдикте от 17 июня 362 г., которым император Юлиан Отступник запретил преподавание христианским профессорам в византийских школах того времени [15; 80]. Как отмечает Созомен, Юлиан, огорченный образованностью таких христианских мыслителей как Василий Великий, Григорий Богослов и Аполлинарий Лаодикийский, превосходивших в слове и в науках многих язычников, запретил христианам заниматься эллинскими науками, полагая, что именно благодаря им христиане достигли таких высот в знаниях [11; 355-356]. Удар, таким образом, приходился на христианскую молодежь, которая лишалась классического образования, а, следовательно, и какой бы то ни было перспективы развития в византийском обществе. Поэтому такие передовые люди христианской партии того времени, как Григорий Богослов и Аполлинарий Лаодикийский, создают произведения типа «Страждущий Христос», в которых классический материал греческой

^{*} По мнению о. Иоанна Мейендорфа, именно своим одновременным противостоянием, как Арию, так и Аполлинарию и определилось никейское православие в формулировке Великих каппадокийцев, к числу которых принадлежал и свт. Григорий Богослов [см.: 8; 15].

литературы был бы умело замаскирован в христианское одеяние и мог бы быть использован в качестве учебного руководства для школы, заменив собой античных классиков [5; 190].* Таким образом, молодым людям, которые больше всего любят словесное искусство, давалась «привлекательность в убеждении к полезному, подслащающая искусством горечь заповедей», как говорил об этом сам святитель [12; 408].

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сам факт существования такого незаурядного феномена византийской литературы как трагедия «Страждущий Христос» наглядно демонстрирует, какой предельной степени напряжения достигла борьба умирающего язычества и все более крепнущего христианства после завершения эпохи гонений в IV – V вв. Эта борьба переходит в культурно-идеологическую сферу, что приводит к развитию такого литературного жанра, как евангельская парафраза. Одной из ее разновидностей является техника центона, где классический материал древнегреческой литературы обретает новый смысл, попав в христианский контекст. Точное уяснение целей написания христианской трагедии «Страждущий Христос» свт. Григория Богослова поможет выяснить значение и место этого знаменитого богословско-апологетического произведения в истории ранневизантийской литературы.

Источники и литература

1. Аверинцев С.С. Поэзия Нонна Панаполитанского как заключительная фраза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 225, 226.
2. Анеткова-Шарова Г.Г. Г.Орткемпер о сценической технике Еврипида // LINGUISTIKA ET PHILOLOGIA. Сборник статей к 75-летию профессора Юрия Владимировича Откупщикова. – СПб., 1999. – С. 203.
3. Буассе Гастон. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. Перевод с франц. под ред. и с пред. М.С. Корелина. – М., 1892. – С. 136.
4. Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские центоны (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 197, 198.
5. Говоров А. Свт. Григорий Богослов как христианский поэт. – Казань, 1886. – С. 190.
6. Григорий (В.М.Лурье), иером. Время поэтов или PRAEPARATIONES AREOPAGITICAE: К уяснению происхождения стихотворной парафразы Евангелия от Иоанна // Нонн из Хмима. Scrinium Philocalicum. Tom. I (aev. V). – М., 2002. – С. 301.
7. Журенко Н.Б. Архаическая образованность и новозаветная образованность в эпиграммах Григория Назианзина // Античная поэтика. Риторика: теория и лит. практика. – М., 1991. – С. 219.
8. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Иисус Христос в восточном православном богословии. – М., 2000. – С. 15.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру. Пер. Г.А. Рачинского // Сочинение в двух томах. – М., 1996. Т. 1. – С. 105.
10. Попов И.В., проф. Патрология. Краткий курс / Под общ. ред. проф. МДА А.И. Сидорова. – М., 2003. – С. 191.
11. Созомен Эрмий (Саламинский). Церковная история. – СПб., 1851. – С. 355-356.
12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского: В 2 т. – Б.м., 1900. – Т. 2. – С. 408-409.
13. Тронский И.М. История античной литературы. – Л., 1996. – С. 138, 153.
14. Уколова В.И. Особенности культурной жизни Запада (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии: IV – перв. пол. VII в. – М., 1989. – С. 78-97.
15. Успенский Ф.И. История Византийской империи VI-IX вв. – М., 1996. – С. 80.
16. Фрейберг Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. – М., 1975. – С. 41.
17. Фрейберг Л.А. Драматическое сочинение, по Еврипиду излагающее нас ради совершившееся воплощение и спасительное страдание Господа нашего Иисуса Христа (Христос-Страстотерпец). Пер. С.С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IX-XIV веков / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. – М., 1969. – С. 221.
18. Эйкен Г. История и система средневекового мировоззрения. Пер. с нем. В.Н. Линд. – СПб., 1907. – С. 30.
19. Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragedie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – Paris, 1969. – № 149. – P. 65, 70-71, 73, 343-355.

This article is devoted to revealing and analyzing of principal aims of the creation of the Christian tragedy "Suffering Christ", theological-apologetical work of the end of the IVth century, which is the period of cultural-ideological fight between pagan and Christian cultures in the Byzantic Empire.

Key words: Byzantium, St. Gregory Theology, centon, apologetics, tragedy "Suffering Christ".

* Дело в том, что христианской, в собственном смысле этого слова, школы тогда еще не существовало. Обучение в IV-V вв. проводилось по классическим древнегреческим образцам зачастую прежними, языческими преподавателями. На основании исторических фактов можно с уверенностью констатировать, что византийская школа интересующего нас периода была во многом еще языческой, и сторонники языческого культа видели в ней «одно из последних прибежищ своей религии» [см.: 3; 136].